5.6.1. ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ (ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ)
NATIONAL HISTORY

УДК 94(470)
ГРНТИ 03.23.31
EDN: RMKDEF

DOI: 10.33693/2658-4654-2024-6-2-30-39

О синхронизации истории России и Европы в XX веке: Ленин, Троцкий, Милюков

©Илизаров Борис Семёнович

Институт российской истории Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация
e-mail: b_ilizarov@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются историософские концепции Милюкова, Ленина, Троцкого. Устанавливается связь их концепций истории и преобразования России, с дореволюционной идейной традицией западников и славянофилов. Ставиться вопрос о дальнейшем осмыслении сталинского плана «построения социализма в одной стране».

Ключевые слова: Милюков, Каштанов, Ленин, Троцкий, Сталин, история России, СССР, месторазвития, перманентная революция.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Илизаров Б. С. О синхронизации истории России и Европы в XX веке: Ленин, Троцкий, Милюков *// История и современное мировоззрение*. 2024. Т. 6. № 2. С. 30–39. DOI: 10.33693/2658-4654-2024-6-2-30-39. EDN: RMKDEF

DOI: 10.33693/2658-4654-2024-6-2-30-39

About the Synchronization of Russian History and Europe in the XX Century: Lenin, Trotsky, Milyukov

©Boris S. Ilizarov

The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
e-mail: b_ilizarov@mail.ru

Abstract. The historiosophical concepts of Miliukov, Lenin, and Trotsky are considered. A connection is established between their concepts of history and the transformation of Russia and the pre-revolutionary ideological tradition of Westerners and Slavophiles. The question is raised about further understanding of Stalin's plan for «building socialism in one country».

Key words: Miliukov, Kashtanov, Lenin, Trotsky, Stalin, history of Russia, USSR, local development, permanent revolution.

FOR CITATION: Ilizarov B. S. About the Synchronization of Russian History and Europe in the XX Century: Lenin, Trotsky, Milyukov *// HISTORY AND MODERN PERSPECTIVES*. 2024. Vol. 6. № 2. P. 30–39. (in Russ.) DOI: 10.33693/2658-4654-2024-6-2-30-39. EDN: RMKDEF

ВВЕДЕНИЕ

Какое место занимала Россия в прошлом? Место не на карте Земли или в экономике и в других жизненных сферах, а на шкале времени, по которой двигались все страны мира, опережая или отставая друг от друга иногда на столетия, а иногда и на тысячи лет? Считается, что до сих пор сосуществуют рядом с современным миром такие культуры (например, в лесах Амазонки), которые отстают от мирового развития на целые исторические формации. Но вопрос в том: отстают они или застыли в развитии, ожидая лучших условий?

А может быть это и не остановка вовсе, а особый путь, ведущий пусть и окольно, но к иным, более высоким, чем у европейцев вершинам и достижениям? Скорее же всего они, в окружении могучих сейчас соседей, обречены на растворение. Этносы и культуры редко исчезают бесследно, они растворяются в других, и обогащают их, участвуя в этногенезе.

Рассматривать культурно-историческое развитие человечества в виде единого и компактного во времени потока, давнее пристрастие европейских народов. Но после великих географических открытий, уже историки и мыслители Ренессанса поняли, что народы земли развиваются не равномерно, а лидерство надо завоёвывать и постоянно подтверждать. Самым убедительным доказательством тому было стремительное совершенствование военного искусства и боевой техники, превосходство которой европейцы и их наследники доказывают последние пятьсот лет.

Разбойничья шайка Фернандо Кортеса, вооруженная огнестрельным оружием, в короткие сроки уничтожила обширную империю американских инков, вооруженных дубинами и копьями. Малочисленные отряды русских казаков, проникшие по следам Ермака на гигантские просторы Сибири, примерно в то же время также использовали огнестрельное оружие, против малочисленных народов вооруженных копьями и стрелами с костяными наконечниками.

С постколумбовских завоеваний европейцев, началась колониальная эпоха, доказавшая на практике, что народы земли, подобно отдельным людям, рождаются не синхронно и развиваются не равномерно. Однако до сих пор так и не ясно: в чем здесь дело? Почему отдельные государства или целые культуры так и не синхронизируются с европейским потоком, претендующим на магистральный путь цивилизации? Не скрыта ли за этим кажущемся отставанием, качественная альтернатива иного и особого пути развития? Эта старая, но до сих пор живая проблема русской дореволюционной историографии, в советское время была «погребена» под наносами марксистско-ленинской идеологии. Пришло время заняться «раскопками» полузабытых идей и анализом их современных интерпретаций.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Проблема сопоставления во времени истории России с соседними европейскими странами в постсоветское время была заново поставлена на средневековом материале известным отечественным медиевистом С.М. Каштановым [Каштанов, 1992; Каштанов, 2015]. Опираясь на фундаментальные знания русских и западноевропейских средневековых источников, он обратил внимание на то, что начиная с работ Н.П. Павлова-Сильванского (начало XX в.) история средневековой России постоянно сопоставляется с историей европейских стран, как синхронно переживших одну и ту же общественную формацию, что никак не согласуется с известными историческими фактами. По мнению Каштанова, Павлов-Сильванский сравнивал действительно однотипные явления, но отстоявшие друг от друга на 600, а то и 800 лет. Явления, которые в Московском царстве протекали в XIV–XVI вв. типологически близки к тем, которые действительно наблюдались во Франкском государстве эпохи Меровингов, но в VII-IX вв. [Илизаров; 2002: 33].

Бросается в глаза, что временной лаг примерно соответствует тому времени, какое Европа прошла с момента краха Западной Римской империи и до появления первых устойчивых варварских государств. Россия за тот же срок, но в иную историческую эпоху пережила примерно те же этапы феодальной формации. Как увидим, такое ретроспективное предсказание и объяснение прошлого, делалось не раз крупнейшими российскими историками и политиками.

ОБСУЖДЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ

Остановимся в рамках поставленной проблемы, только на том, что всем нам ближе всего: как и с какими особенностями синхронизируется с соседним миром Россия, ее история? Является ли Россия составной частью Европы и сполна ли разделяет ее судьбу, или она, в силу своего евразийского положения, особого этнического и культурного характера волей-неволей занимает рядом с ней, но обособленное место?

Вопрос состоит не только о том, в какой степени Россия является европейской страной, частью ее высокой культуры, но и в том — насколько Россия, по мере своего развития, синхронизируется с историей Запада вообще? Образно говоря: синхронизированы ли часы, «заведенные» в древности на исторической территории России с часами, идущими в Западной Европе? Показывают ли они одно и то же время? Обратим внимание и на то, что такие бывшие европейские колонии, как США, Канада, Австралия, Новая Зеландия, несмотря на свою географическую обособленность, и разнообразный этнический состав, в общем и целом, развиваются синхронно с современной Европой, как оркестром европейских государств.

Другие бывшие колонии: в Африке, Азии, в Латинской Америке живут в ином, отличном от европейцев ритме. Значит дело не только в географической близости, языке и бытовой культуре, хотя и эти факторы требуют внимания. Конечно, можно поставить вопрос и по-другому — развивается ли Россия по своим внутренним законам, напоминая этим Китай, Индию, Японию, и другие станы Азиатско-Тихоокеанского региона или она бороздит просторы мировой истории исключительно по прихоти своих вождей и народов?

Похожие вопросы не уходят из повестки дня со времен крещения Руси, «выбора» исторического пути князем Александром Невским, Ливонской войны Ивана Грозного, и, конечно, после преобразований Петра Великого и споров славянофилов с западниками в XIX в.

Петр I, казалось бы, раз и на всегда решил вопрос с западной ориентацией России, но уже в XIX в. на волне споров славянофилов и западников, возникли серьезные сомнения в правильности направления, указанного царем. И все же до 1917 г. страна неуверенно, медленным темпом, «зигзагами», но двигалась по западному пути развития, поскольку европейская культура, включая технику, заметно превосходила не только российскую, но и любую другую. Сила и мощь западных колониальных империй вынуждала пристраиваться в их фарватер, который ученые мужи называли то капитализмом, то колониализмом, то империализмом, то путем промышленной революции, то школой воспитания высокой западной культурой и т.д. Этому способствовало и то, что за две сотни лет правящая русская династия, дворянство и разночинцы интеллектуально сблизились с Европой и чув-

ствовали с ней родственное единение, даже в те времена, когда воевали с западными странами.

И все же Россия к 1917 г., ко времени свержения самодержавия, так и не смогла устойчиво синхронизироваться с ведущими странами Европы и США, т. е. с наиболее передовыми государствами того времени. Подавляющая масса многонационального населения царской России жила патриархальной крестьянской общиной и иными архаичными общностями, особенно народы юго-востока и севера страны. Там легко можно было обнаружить не только остатки феодальных отношений, но и следы родового и первобытнообщинного строя. Не случайно, русские марксисты (в том числе В. И. Ленин) рассматривали Россию конца XIX в., как многоукладную в хозяйственном отношении, военно-бюрократическую монархию.

В связи с этим ряд отечественных и зарубежных исследователей (В. Розанов, О. Шпенглер, Н. Трубецкой, А. Тойнби, фон Вригт и др.), заговорили о псевдоморфизме — уродливом порождении, вызванным несовместимостью скрещиваемых организмов, раз за разом поражающим Россию (так считал Розанов) при ее попытках слиться с европейской культурной традицией. Однако вопрос об исторической морфологии, без сомнения имеющий отношение к теме, не рассматривается в данной статье[1].

Если обобщить идеи и лозунги тех деятелей, которые пришли к власти в результате Февральской революции 1917 г. (прежде всего кадеты, т.е. либералы, правые социалисты-революционеры, социал-демократы- меньшевики), то можно прийти к выводу, что они надеялись ускорить темп сближена России и Европы, освободив страну от пут феодальной монархии, окончательно изжить наследие крепостничества, решив аграрный вопрос, встать на путь ускоренного промышленного развития, заняться всеобщим народным образованием, а, самое главное, — развить буржуазные демократические институты управления страной.

Без сомнения, речь шла не только и не столько об интеграции в Европу, сколько о синхронизации с ней своего исторического движения. По этому же типу двигались и такие развитые капиталистические страны как Англия — митрополия Великобритании, республиканская Франция, имперские Австро-Венгрия и Германия. Если эти страны, включая США, вели гонку за первые места в Европе и мире, то Европоориентированная Россия боролась за вхождение в их клуб.

Когда в самом конце XIX в. (1896 г.) была издана книга П. Н. Милюкова «Очерки по истории русской культуры», то она сделала автора одним из самых читаемых историков того времени[2]. Именно Милюков подхватил и продолжил в XX в. спор западников и славянофилов (по терминологии автора — западников и националистов) и предложил принципиально иную модель истории развития России и ее будущего. П. Милюков, вслед за С. Соловьевым одним из первых рассмотрел историю государства не столько, в рамках конкретно-исторического исследования, сколько, как проблему «философии истории» России и Европы, т. е., как задачу более высокого уровня осмысления. Его взгляд на историософию был свободен от чрезмерной терминологической громоздкости и философской односторонности западноевропейских историософских школ того времени.

Под философией истории автор понимал всего лишь особый ракурс, особый взгляд на исторический процесс, который подразумевал «признание той степени целесообразности, которую вкладывает в историю сам человек»[3], т. е. участие волевых усилий и стремлений людей. По Милюкову вся область интересов исторической науки, это область целесообразных человеческих поступков. И все же человек не единственный и даже не основной соавтор истории. Историю творит народ, но и народ творит ее не по своей прихоти. Историческое развитие народа определяет не только этнос (их может быть несколько), язык (и они могут быть разные у одного этноса), а «месторазвития», т. е. географическая среда, которая благодаря естественному разнообразию ландшафтов и природных ресурсов, диктует специфические условия жизни народа[4].

Уникальность того или иного общества формируется под влиянием уникальных природно-материальных обстоятельств месторазвития, но при этом все сообщества проходят примерно одни и те же формы и ступени цивилизации, пусть и с различным темпом и порядком следования. О восходящем и ступенчатом развитии человечества когда-то говорили Гердер и Гегель. Французские историки XIX в. впервые выявили классовые признаки и связанные с ними последовательно сменяющие друг друга исторические формации. Об этом же писал Маркс и марксисты, но с большим осмыслением исторического и философского материалов.

По Гегелю история человечества, есть история последовательного, стадиального саморазвития Духа в избранном народе, по Марксу двигатель истории это вечно прогрессирующее материальное производство людей, диктующее свои стадиальные законы. Конкуренция между обществами и государствами движет их с разными скоростями относительно друг друга. Ни Гегель, ни Маркс не придавали большого значения целенаправленной деятельности людей, как субъектов истории. Милюков же, на вопрос о том, что или кто является двигателям истории, не давал прямого ответа, хотя не знать учение Гегеля или хотя бы экономические основы марксизма, российский историк начала XX в., конечно, не мог. Для него, как и для историков Европы, формы развития каждого общества — это прежде всего государство, его институты, социальные и национальные структуры, торговля, экономика, культура и т. п., т. е. традиционный понятийный набор историка-позитивиста начала XX в., да, впрочем, и современного. Не случайно он не упоминает марксизм, т. к. его собственная концепция противоречит марксистскому универсализму.

Милюков согласен с тем, что исторический путь, которым прошло любое государство Западной Европы, есть движение от становления экономической базы, к социальным структурам (сословиям, классам), а затем к государственной организации (как у Маркса). Относительно же России, — утверждал он, — удобнее будет принять обратный порядок, т. к. в нашей стране развитие государственности предшествовало развитию социального строя[5].

«Дело в том, — писал он, — что у нас государство имело огромное влияние на общественную организацию, тогда как на Западе общественная организация обусловила государственный строй…Европейское общество строилось, так сказать, изнутри, органически, от низших этажей к высшим. Фундамент этой исторической постройки, — крестьянство, — сложился в главных чертах уже во время народных переселений VI-VIII столетия. Затем, на этот фундамент надстроен был в средние века второй этаж — европейской феодальной

[1] См.: А. Сучилина. Псевдоморфизм российской цивилизации в философии культуры В. В. Розанова (cyberleninka.ru) (дата обращения 01.04.2024).

[2] Милюков П. Очерки по истории русской культуры. Часть первая. Население, экономический, государственный и сословный строй. Издание журнала «Мир Божий». 4-е издание, исправленное и дополненное. СПБ.1900. До 1918 г. вышло 7 изданий.

[3] Милюков П. Очерки по истории русской культуры. Часть первая… С. 6.

[4] Подробнее о понятии «месторазвития» см. Прокуденикова О. В. Россия: Европа или Азия. полемика П. Н. Милюкова с евразийцами о роли географического фактора в развитии русской культуры / https://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-evropa-ili-aziya-polemika-p-n-milyukova-s-evraziytsami-o-roli-geograficheskogo-faktora-v-razvitii-russkoy-kultury/viewer. с. 68–83 (время обращения 11.05.2024).

[5] Милюков П. Указ. соч. С. 124.

аристократии, сильной своим крепостным крестьянством. Наконец, только к новому времени, путем упорной борьбы с этим вторым общественным слоем, путем отдельных мелких побед над правами и привилегиями частных лиц, сословий, провинций, выдвинулось сильное государство — постепенно и медленно расширявшее приделы своего ведения.

У нас исторический процесс шел как раз обратным порядком, — сверху вниз… Князь был чуть ли не первым оседлым жителем государства. Вокруг него все находилось в движении, все население приходило и уходило, не связывая себя с государством...Русскому государству не только не приходилось бороться с правами и привилегиями частных лиц и общественных групп, но оно само, старалось вызвать эти общественные группы к существованию и деятельности с тем, чтобы воспользоваться этой деятельностью для своих собственных целей»[6].

Почему же так разительно отличался, по мнению Милюкова, путь по которому двигалось российское государство от его соседей на Западе? Причина в том, что при скудости земель и природных богатств в центрах «месторазвития», суровости климата и особенностей лесостепной полосы, где обитали племена, легшие о основу русской народности, находившееся в окружении воинственных соседей и не располагавшей мощной экономической базой, правящий слой, вынужден был волевым путем создавать государство и общество сверху.

Государство выросло не из потребностей внутреннего роста, как это было на Западе, оно возникло из необходимости самозащиты и самосохранения. «Таким образом, благодаря настоятельным государственным потребностям и создалось всемогущее государство на самой скудной материальной основе, — делал вывод автор, — вследствие самой этой скудости оно должно было напрягать все силы своего населения, а чтобы распоряжаться всеми силами его, оно и должно было сделаться всемогущим»[7].

Такое государство поневоле основное внимание уделяло военному делу и обороне, которые строились по передовым европейским образцам на усвоение и развитие которых требовались все больше и больше финансов. Уже в 1680 г. половина бюджета шла на армию и особенно резко финансирование армии увеличилось между правлением Петра I и концом правления Екатерины Второй. А в XIX в. расходы на армию утроились. Займы у европейских держав на содержание госаппарата, армии и военных действий стали обычной практикой с петровских времен[8].

В этих условиях Россия, используя властный аппарат, хотя и более медленными темпами приходила к тем же результатам и общественным формам, что и страны Западной Европы. Постепенно сближение с Европой приведет, по мнению историка, к совместимости и синхронизации, но они никогда не будут абсолютными. Даже становление в России крепостного строя, Милюков трактовал, как ответ верхов на вызовы, которые формируют особенности «месторазвития» и природа этноса. В древности темп экономического развития общества значительно отставал от европейского, а население, благодаря подсечному сельскому хозяйству, постоянно находилось в бродячем состоянии.

Государственная власть была заинтересована в его стабилизации для решения военно-мобилизационных и фискальных задач, что и привело к поголовному закрепощению всех слоев, включая высшие. Затем уже, с XVIII в. начался обратный процесс постепенного раскрепощения сословий, приведший к реформам 1861 г., и опять же, сделано это было по инициативе власти. По той же причине шло постоянное расширение границ государства. Так Милюков обозначил общий маршрут для западников и славянофилов: только воля государственной власти, раз за разом отвечающей на исторические вызовы, толкает общество от азиатского на европейский путь развития, что позволяет ему не следовать по тем же колеям и провалам, а перескакивать через целые исторические периоды или в более быстром темпе переживать общеевропейские процессы. Это открывает перед Россией возможность не только успешно перевооружаться и участвовать в многочисленных войнах, но и противостоять особо агрессивным натискам того же Запада. Кажется, здесь Милюков ближе всех подошел к пониманию истинных целей ПетраI и последствий его реформ.

По существу, это было новое прочтение философии истории России, до сих про мало оцененное в современной исторической науке. Но ряд современников Милюкова, в том числе его политических противников, ведущих социал-демократов, не только заметили, а напротив, очень активно продумывали и использовали в своих целях исторические построения главы русского либерализма и партии кадетов. Начиная с революции 1905 г. и кончая сталинской эпохой, идеи Милюкова, то открыто, но чаще подспудно, использовались в качестве политического инструментария, как ведущими большевистскими, так и эмигрантскими деятелями, особенно «евразийцами».

Русские марксисты начала XX в., от Г. В. Плеханова, П. Б. Аксельрода и кончая Ю. О. Мартовым, В.И. Лениным и Л.Д. Троцким рассматривали Россию, как государство, далеко отставшее от развитых стран, только-только вступившее на путь капиталистического развития. Пусть и отставая, но оно, тем не менее, стремится к тем же магистральным путям, указанным для всех стран мира Марксом и Энгельсом. По Марксу большая часть развитых капиталистических стран группой или по очереди должны были приступить к строительству социализма, ломая колониальную систему, ликвидируя классы и ведя отстающих прямиком в высшую коммунистическую формацию.

Марксистская доктрина утверждала, что в рамках каждой общественно-экономической формации все страны закономерно должны пройти примерно одни и те же этапы развития. Здесь проявились крайности того самого марксистского универсализма, от которого отшатнулся Милюков. Известно, что и отставать или догонять других можно по-разному. Если Плеханов и Мартов со своими сторонниками утверждали, что наступление эры социализма в отсталой феодальной России в близкой исторической перспективе невозможно, поскольку страна должна пройти весь длительный период буржуазных революций и либеральных реформ. Это займет неопределенно длительное время, возможно, многие десятилетия, а то и столетие.

В итоге получалось, что современное поколение социал-демократов никак не доживет до столь светлой и желанной синхронизации истории России с передовыми европейскими сообществами. Все что революционеры могут сейчас делать, это терпеливо просвещать нарождающийся пролетариат России и способствовать развитию капиталистической революции. В силу своей культурной отсталости Россия никогда не станет ведущим двигателем в современном революционном движении. Маркс предсказывал начало мировой пролетарской революции с Англии и Франции, хотя в конце жизни часто изменял приоритеты. Для людей деятельных, далеких от кабинетного стиля жизни и мышления, т. е. таких как Ленин или Троцкий, выжидательная установка меньшевиков, приводила к категорическому неприятию их позиции.

Ленин «страдал» очень распространенным среди русских революционеров недугом — «нетерпением сердца». Он смолоду положил свою жизнь на алтарь революции и горел желанием

[6] Указ. соч. С. 124–125.

[7] Указ. соч. С. 126.

[8] Указ. соч. С. 127–132.

возглавить её по образцу известных революционеров Франции 1793 г. или Парижской коммуны 1871 г. Будучи не только активным политическим деятелем и журналистом, он обладал выдающимися аналитическим умом причудливо сочетавшимися с идейным и философским догматизмом и идеологической нетерпимостью. К его несомненным заслугам как марксистского теоретика можно отнести знаменитую работу «Развитие капитализма в России», вышедшую в канун XX в.[9]

Взяв за образец экономические работы Маркса, Ленин, умело комбинируя статистические материалы, доказывал, что капитализм в России начал свое развитие чуть ни с конца XVII в. и к концу XIX в. породил не очень многочисленный, но необыкновенно организованный и политически активный рабочий класс, уже способный возглавить в союзе с крестьянством, буржуазную революцию и провести необходимые стране буржуазные реформы. В процессе этой, «не своей» по задачам, революции, он же освободит страну от реакционных пут и пережитков военно-феодальной монархии.

Так «на кончике пера» была «открыта» и в России капиталистическая общественно-экономическая формация, боевитый пролетариат, его союзник крестьянство, вялая, компрадорская буржуазия, а перед большевиками, как революционными социал-демократами поставлены конкретные цели для политической деятельности [Илизаров; 2015: 20–28].

«Марксисты безусловно убеждены, — писал Ленин в 1905 г., — в буржуазном характере русской революции… Это значит, что те демократические преобразования, которые стали для России необходимостью, сами по себе не только не означают подрыва капитализма, подрыва господства буржуазии, а, наоборот, они впервые очистят почву настоящим образом для широкого и быстрого, европейского, а не азиатского, развития капитализма, они впервые сделают возможным господство буржуазии как класса»[10].

Как известно Маркс открыл «азиатский способ (формацию) производства», но азиатский и европейский тип капитализма, это уже «открытия» Ленина. Постоянно подчеркивая, что он является ортодоксальным марксистом, Ленин в этой и последующих работах основательно отошел от ортодоксии и впал в грех ревизионизма, в гораздо большей степени чем меньшевики. Плеханов, как признанный лидер русской социал-демократии прочитал книгу молодого коллеги с карандашом в руке, т. е. с интересом[11].

Либеральная научная интеллигенция снобистски сделала вид, что ленинский труд не стоит внимания, как труд не профессионала-историка или экономиста, к тому же большинство российских историков все еще придерживалось славянофильских взглядов: история самодержавной России имеет мало общего с жизнью буржуазной Европы, они не сопоставимы. Но, в те же годы и из той же либеральной среды объявился молодой исследователь Н.П. Павлов-Сильванский, который, не обращая внимания на хронологию, подобно Ленину, «открыл», путем простейших сопоставлений и аналогий, еще одну марксистскую формацию — феодализм в России XII–XVI вв.[12]

«Феодализм в России» многие либералы встретили с восторгом, в том числе образованные большевики, а Милюков отметил ее одобрительной статьей в энциклопедии[13]. Именно таким способом Россия к началу XX в. оказалась «вовлеченной» в общеевропейский процесс исторического, экономического и революционного развития марксистского толка. Павлов-Сильванский перед смертью очень сблизился с «легальными марксистами», в советское время к его работам относились с уважением. Но остающиеся вопросы о том, когда и как прошла Россия эти и другие марксистские исторические формации (первобытный и рабовладельческий строй, азиатский способ производства), в то время обсуждался мало. Только два историка, как и П. Милюков, ученики В. О. Ключевского: М. Н. Покровский и Н. А. Рожков, приступили к сравнительно-историческим исследованиям в марксистском направлении.

После теоретических работ Ленина, в рядах большевиков стали нарастать мессианские ожидания революции, а с ними и радикальные настроения. Дух революции наконец-то получил конкретную цель и реальную задачу: руками пролетариата деятельно готовить буржуазную революцию и ждать ее со дня на день. Едва народившийся в качестве субъекта истории русский капитализм, явился из голов революционных теоретиков, как симулякр интеллектуальной части социал-демократии. Хотя страна уже кормилась его, пока еще не очень обильными плодами, русские революционные радикалы уже ненавидели его, как злого духа стяжателей. Конечно, он и был таким, но никто не хотел ждать, пока он насытится и начнёт делиться своим производственным изобилием.

И действительно, революционные волны поднимались все выше и выше, когда, наконец, в декабре 1905 г. не началось открытое вооруженное восстание. Ленин встретил революционные события с радостью, т. к. они с очевидностью подтверждали ведущую роль рабочего класса (массовые стачки и демонстрации, драки с полицией) и трусость буржуазии в событиях тех лет. Ленин был в эмиграции, т. к. после единственной большой ссылки в село Шушенское, не решался больше искушать судьбу и перебрался вместе с группой единомышленников в Европу. Ленин, как публицист высказывался очень радикально, хотя в жизни он был смелым, но осторожным человеком, что проявилось не только в 1905 г., но в 1917 и последующих годах.

Смелость и осторожность могут сочетаться; внезапно вернувшись из-за границы уже в апреле 1917 г. он еще раз доказал это. Впрочем Ленин, в отличие от Сталина, пережил два реальных покушения на свою жизнь и хорошо знал, что такое физическая и душевная боль.

Пробыв в России несколько декабрьских дней 1905 г. и однажды выступив публично, он спешно вернулся назад, успев поддержать идею «Советов рабочих депутатов», как прообразов будущих органов власти пролетарского государства. А в это же самое время его младший соратник по партии Л. Д. Троцкий, убежденный «центрист», считавший, что разногласия между меньшевиками и большевиками не стоят выеденного яйца и должны решаться не фракционной борьбой, а индивидуально и открыто, встал во главе Петроградского Совета и возглавил революционное восстание в столице.

После ареста, открытого суда и ссылки на вечное поселение в Сибирь, Троцкий дерзко бежал и вскоре оказался в вынужденной эмиграции. Справедливости ради надо подчеркнуть, вслед за объективными исследователями жизни Троцкого, он действительно обладал разнообразными талантами и выдающимися качествами. Среди его интеллектуальных способностей был литературный и аналитический талант историка, понимающего значение документа, как исторического и политического источника. С ним искал знакомства М. Горький, который публично отмечал его литературный талант, заявив при первой встрече: «Я ваш почитатель» [Фельштинский; 2012: 227–228].

[9] Ленин В. И. Развитие капитализма в России / Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55 томах. Т. 3. С. 21–60.

[10] Ленин В. И. ПСС, т. 11. С. 35.

[11] См. Книги В. И. Ленина из личной библиотеки Г. В. Плеханова / https://nlr.ru/exib/Lenin/knigi-plex.html (время обращения 17.04. 2024).

[12] Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в древней Руси. С предисловием М.Н. Покровского. Изд. «Прибой». Пг. 1924.

[13] Милюков П. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, полутом —70. С. 341.

Он любил русскую классическую литературу и поэзию, сам был прекрасным стилистом, и в отличии от большинства лидеров социал-демократии (например, Ленина), читал исторические исследования и мыслил историософски [Дойчер; 2006: 229–268]. В отличии от Сталина, знал несколько иностранных языков и проявил себя как выдающийся военачальник. Как и его коллеги, ничему этому он специально не учился, все его способности были природными и прошли через школу самообразования. Мало кто из его современников прошел эту школу с отличием.

Книгу Милюкова Троцкий прочитал скорее всего в промежутке между 9 января и октябрьской стачкой 1905 г., т.е. как раз в то время, когда, по его словам, у него сложилась теория «перманентной революции»[14]. Только в эмиграции он дописал небольшое эссе «1905 год» о своем участии в революции, ссылке, побеге и опубликовал первые идеи «перманентной революции». Если бы он не запятнал себя вместе со всеми инициаторами гражданской войны, кровью соотечественников, и не проиграл Сталину в политической борьбе, он мог бы остаться в памяти крупным русским литератором, публицистом, оратором и т.д. Благодаря этой брошюре, кадет и «презренный» либерал Милюков (для Ленина, Плеханова, Троцкого он всегда был главным объектом нападок) оказался, не желая того, идейным вдохновителем одного из ведущих авторов Великого Октября, а «иудушка Троцкий» оказался ближайшим соратником автора двусмысленной клички, т.е. Ленина.

Троцкий не заимствовал, как Ленин, кличек у писателей, а изобретал свои: «бойкий статистик» и «неряшливый адвокат». Будучи хорошим журналистом, Ленин действительно злоупотреблял статистикой, а свою карьеру начал неудачным адвокатом.

Троцкий принял основную идею о значительном развитии капитализма и силе молодого пролетариата в России после того, как сам, от имени пролетариата, возглавил революционное восстание и изнутри увидел его возможности и перспективы. Но из концепции Ленина революционный переворот сотворить было невозможно, тем более, в случае победы революции, начать преобразовывать действительность, как в России, так и во всем мире в духе социализма. Не была найдена та сила, которая сдвинула бы и направила устремления масс. Политическая партия, в которую верили и Плеханов, и Мартов, и Ленин, конечно, поднимала революционный дух и вербовала сторонников социалистических идей, но такая партия в буржуазном обществе не обладала реальными рычагами власти. Тем более в монархическом государстве с трудом, вступавшим на путь парламентаризма. Да и кто добровольно отдаст власть для революционных преобразований в обществе?

Маркс же неоднократно писал и говорил: чтобы победить пролетариат должен полностью сломать государственный аппарат, как орудие насилия классового общества, которое преобразится в однородно бесклассовое. Само государство, как пережиток враждебный пролетариату, должно отмереть. На этом пункте состоялся знаменитый спор, а потом и идейное сближение марксистов и анархистов. Понимание того, что государство должно отмереть, пришло в марксизм именно от анархизма. «Советы рабочих депутатов», впервые возникшие в Петрограде во время революции и в которых заправлял Троцкий, были созданы по типу «Парижской Коммуны», как новый орган власти.

Большевики (кроме Ленина) их тогда не приняли, но Троцкий понял, что найден «пифагоров рычаг» для государственных переворотов от имени пролетариата. Исключительно волею людей, он управляет социальными процессами, и способен подменить старый буржуазный аппарат. А Милюков ясно показал, что в России все вершит власть, не считающаяся с историческими обстоятельствами, как в реакционно-консервативном, так и в реформаторском планах. На власть он возложил и ожидания дальнейшего прогресса страны. Либерал Милюков, опираясь на знание истории России показал, как она (власть, монархия, воля царей и их слуг), используя административно-репрессивные рычаги, веками управлялась и с социальной структурой общества, и с фундаментальными экономическими проблемами, и творила сплоченный народ, из полуаморфной массы восточнославянских этнических групп.

С петровских времен именно самодержавие сдвигало всю инертную русскую цивилизацию в сторону динамичной западноевропейской. Усваивая идеи Милюкова, Троцкий не порывал с марксизмом, он продолжал оставаться адептом исторического и экономического материализма и объективных законов развития общества. Как и для всех социал-демократов, Россия в его глазах оставалась отсталой, полуазиатской страной. Но недооценка Марксом роли личности в истории, вообще человеческого творческого начала, была вполне очевидна. В схеме марксизма человек был атомом управлявшийся высшими историческими и экономическими законами. Единственно человеческой силой, признаваемой марксизмом, была сила человеческой массы, сгруппированной в социальные классы. Революционер же, любого направления, это человек действия, неукротимого порыва, романтизма, который ради воплощения захватившей его идеи, способен жертвовать, как собой, так и другими.

Народники, социал-демократы, эсеры, анархисты, левые либералы и не только они, в основном состояли тогда из подобных людей. Для них всех волюнтаризм был естественной и литературной средой обитания. И здесь, как нельзя кстати, подоспели переводы Ф. Ницше с его «смертью» Бога и возведением на освободившееся место «сверхчеловека». Это так повлияло на некоторых марксистов, что один из первых переводов «Манифеста коммунистической партии» на русский язык, вышел с эпиграфом из произведения Ницше. Философ был очень популярен в русской революционной, да и просто в интеллектуальной среде. Вольный «босяк», блестяще описанный Максимом Горьким, отвергающий затхлый мещанский мир, и громогласный позер, бросающий в театральный зал фразу: «Человек, это звучит гордо!», литературные порождения все того же ницшеанства.

По преданию, Сталин всю гражданскую войну прошел с томиком Ницше в кармане. Я не нашел книг Ницше ни в остатках сталинских библиотек, ни цитат, ни ссылок на философа, хотя в своих послереволюционных речах он иногда обзывал Троцкого «сверхчеловеком». Думаю, что ту невероятную дерзость, которую Троцкий проявил в революционные годы и в годы гражданской войны, а потом в эмиграции он подпитывал и из ницшеанских истоков. Еще на заре своей яркой революционной деятельности от писал: «Кто не умеет найти простора для инициативы, энергии, таланта и героизма в рамках экономической необходимости, тот, значит, не овладел философской тайной марксизма.

Но, с другой стороны, если мы хотим охватить политический процесс, в данном случае революцию, в его целом, мы должны уметь за пестрым гардеробом партий и программ, за коварством и кровожадностью одних, мужеством и идеализмом других открыть действительные очертания общественных классов, которые своими корнями сидят в глубине производственных отношений, а свои цветы раскрывают в высших сферах идеологии»[15]. Фраза, конечно, пышная,

[14] Троцкий Л. «1905 год». 4-е изд. Госиздат 1922. Предисловие.

[15] Указ. соч. С. 45.

но хорошо раскрывает его понимание роли личности в истории, далекой от стандартной для того времени, плехановской.

Троцкий до 1917 г. принципиально не примыкал ни к одной партийной фракции, хотя Ленин, продолжая грубо ругаться, много лет обхаживал его, желая сделать личным оруженосцем. Троцкий, в первую очередь ценил независимость и самостоятельность во всем, отрицал фракционную и вообще групповую партийную дисциплину и был в благоприятной среде только тогда, когда чувствовал превосходство. Его независимость даже соратники часто воспринимали, как чрезмерную гордыню и заносчивость, а Ленин в «завещании» отметил, что он «хватает» «чрезмерной самоуверенностью» и увлекается «чисто административной стороной дела», т.е. злоупотребляет государственными рычагами власти. Ленин хорошо знал о чем писал, т.к. тесно общался с Троцким много десятилетий и знал его как близкого адепта «государства и революции».

Заочные взаимоотношения Милюкова и Троцкого начались задолго до революции 1905 г. и не закончились даже после убийства последнего в 1940 г. До самой смерти в 1943 г. Милюков продолжал и полемизировать, и соглашаться с политическим противником, многому научившемуся у него. Троцкий по отношению к Милюкову так же вел себя двусмысленно: лидер кадетов был давний идейный враг всей социал-демократии. Все они дружно ненавидели не только монархистов и реакционеров, но особенно «мягкотелых» либералов, талантливую карикатуру на которых написал Салтыков-Щедрин и которого особенно любили цитировать до революции Ленин, а в тридцатых годах Сталин.

Ленин именно эту нелюбовь ставил тогда, как главную в заслугу Троцкому и на этой почве готов был с ним объединиться. На V съезде партии в Лондоне в 1907 г. пытаясь создать левый блок, направленный против либеральной буржуазии, Ленин говорил: «Для меня достаточно … фактов, чтобы признать приближение Троцкого к нашим взглядам. Независимо от вопроса о "непрерывной революции" здесь налицо солидарность в основных пунктах вопроса об отношении к буржуазным партиям»[16].

Накануне съезда вышла брошюра, в которой Милюков писал о «революционных иллюзиях троцкизма». Так автор, кажется, первым обозначил новое политическое течение. Троцкий на том же съезде ответил: «Господин Милюков, как видите делает мне слишком много чести, связывая с моим именем период высшего подъёма революции». Молодой революционный деятель в политических вопросах не давал спуска главе либеральной партии, но увлекаясь исторической наукой, в профессиональном плане, был лоялен. Тогда же он дал такую характеристику Милюкову: «Выдающийся историк русской культуры»[17].

РОЛЬ ЛИЧНОСТИ В ИСТОРИИ

Троцкий находился под сильным впечатлением от исторических очерков либерала. Они открыли ему глаза на то, что для многих серьёзных историков никогда не было тайной, а для некоторых, даже современных политиков, просто интеллектуалов, воспитанных на советском историческом и диалектическом материализме, было невозможно. До сих пор считается не научным даже предполагать, что не только известные социальные группы, классы, массы, народы, а конкретный человек, имеющий власть (любую) есть подлинный вершитель человеческой истории. Свое кажущееся бессилие, люди склонны распространять на все человечество, тогда как каждый человек господствует в своем диапазоне желаний и возможностей, и всей жизнью борется за расширение этого диапазона. И здесь тысячи препон и ловушек расставляет социальная и природная среда, ограничивающая его[18].

По крайней мере в XX в. окончательно проснулось осознание ужасающей силы индивидуального человеческого разума, духа и воли, как в высоком, так и в низменном. Не только марксизм был замечен в недооценке человеческого фактора, свою лепту внесла европейская историческая наука XIX–XX вв., которая находилась под сильным влиянием гегельянства и того же марксизма.

Идею перманентной революции Троцкий сформулировал, соединив малозначительный эпизод из истории марксизма 1848 г. и философии истории России в интерпретации Милюкова. Никто из исследователей троцкизма не обратил внимания на влияние творчества историка. В брошюре Троцкий фактически развернул и усилил ту схему, которую, историк изложил в своем труде. По тексту видно, что он основательно подработал не только статистику, но и умело усилил аргументацию Милюкова. Однако начал он с марксистского тезиса об универсальности законов исторического развития: «Наша революция (1905 г. — Б.И.) убила нашу самобытность. Она показала, что история не создала для нас исключительных законов» — писал он. «И в то же время именно русская революция имеет совершенно своеобразный характер, который является итогом особенностей всего нашего общественно-исторического развития и, в свою очередь, раскрывает совершенно новые исторические перспективы.

Нет надобности останавливаться на метафизическом вопросе о том, имеем ли мы при сравнении России с Западной Европой дело с "качественным" или "количественным" различием. Но нельзя сомневаться в том, что основное отличие русского социального развития составляет его медленность и примитивность. Русское государство, в сущности, немногим моложе европейских государств: начало русской государственной жизни летопись ведет с 862 г. (Разница где-то в 500 лет, но Троцкий, как и многие современные исследователи мало обращает внимания на этот существенный факт — Б.И.). Однако крайне медленный темп экономического развития, обусловленный неблагоприятной естественной средой и редкостью населения, задерживал процесс социальной кристаллизации и наложил на всю нашу историю отпечаток крайней отсталости».

Как этот фрагмент, так и фактически весь остальной исторический очерк есть парафраз текста Милюкова об истории и принципах синхронизации России и Европы с древнейших времен и до XIX в. включительно. Определяющий тезис — русская общественная жизнь чем дальше, тем больше находилась под нараставшим экономическим и военным давлении Западной Европы. «Социальное влияние Европы в первую очередь оказывалось чрез посредство военной техники. Русское государство, возникшее на примитивной экономической основе, — продолжал он, — столкнулось на своем пути с государственными организациями, которые сложились на более высоком экономическом базисе. Здесь открывались две возможности: русское государство должно было либо пасть в борьбе с ними, как пала Золотая Орда в борьбе с московским царством, либо оно должно было обо-

[16] Ленин в 1905 г., в Париже издал статью видного немецкого социал-демократа Ф. Меринга, поддержавшего идею перманентной революции в России. Она вышла в переводе Ленина, включая заголовок, который перевел его, как «Непрерывная революция». См.: «Пролетарий» № 26 за 25 ноября. 1905 г.

[17] Приписка Троцкого к статье: «Открытое письмо профессору П. Н. Милюкову» / https://iskra-research.org/Trotsky/sochineniia/1905/190508.html/дата обращения 19.02 2024/.

[18] Илизаров Б.И Слово воскрешает…или «Прецедент Лазаря». 25 тезисов и развернутое дополнение к светской теории воскрешения. По материалам Народного архива. М. —СПб.2007. С. 327–361.

гнать развитие своих собственных экономических отношений, поглощая под давлением извне несоразмерно большую часть жизненных соков нации. Для первого исхода русское народное хозяйство оказалось уже недостаточно примитивным.

Государство не рухнуло, а стало расти при чудовищном напряжении хозяйственных сил народа. До известной степени сказанное применимо, разумеется, и ко всякому другому европейскому государству. Но с той разницей, что в своей взаимной борьбе за существование эти государства опирались па приблизительно однородный экономический базис, и потому развитие их государственности не испытывало таких могучих экономически непосильных внешних давлений. Борьба с крымскими и ногайскими татарами вызывала большое напряжение сил. Но, разумеется, не большее, чем вековая борьба Франции с Англией.

Не татары вынудили Русь ввести огнестрельное оружие и создать постоянные стрелецкие полки; не татары заставили впоследствии создать рейтарскую конницу и солдатскую пехоту. Тут было давление Литвы, Польши и Швеции. Чтобы удержаться против лучше вооруженных врагов русское государство было вынуждено заводить у себя промышленность и технику, нанимать военных специалистов, государственных фальшивомонетчиков и пороховщиков, доставлять учебники по фортификации, вводить навигационные школы… Если военных инструкторов и тайных советников можно было выписать из-за границы, то материальные средства нужно было во что бы то ни стало извлекать из самой страны. История русского государственного хозяйства есть непрерывная цепь героических в своем роде усилий, направленных на обеспечение военной организации необходимыми средствами»[19].

Троцкий здесь во всем согласен с Милюковым, даже в том, что Россия шла отличающимся от Европы, не марксистским, внеэкономическим путем. Он, как и Милюков, с особой энергией настаивал на значительной роли царизма в выживании русского общества в условиях вызовов Запада, не забывая при этом отмечать и негативную сторону этого процесса, связанную с чрезмерной эксплуатацией и насилием власти. Он везде, где можно уточняет Милюкова, в частности в том, что в середине XIX столетия расходы на войско и флот достигли 60–70% бюджета и т. д.[20]

Но в отличие от Милюкова, Троцкий делает тот вывод, что природа догоняющего развития не позволяет стране добиться равновесия с Европой и с течением времени загоняет ее в экономическую и финансовую зависимость. Для внутреннего развития сила государственной власти имела гораздо большее значение, чем в западноевропейской истории. Наше дворянство и духовенство находилось в худшем экономическом и правовом положении, чем в средневековой Европе. Он только однажды упомянул истинного автора так полюбившейся исторической концепции и тем указал на него: «И, тем не менее, страшным преувеличением, нарушением всяких перспектив будет сказать, как это делает Милюков в своей истории русской культуры, будто в то время, как на Западе сословия создавали государство, у нас государственная власть в своих интересах создавала сословия.

Сословия не могут быть созданы законодательным или административным путем. Прежде, чем та или другая общественная группа сможет при помощи государственной власти опереться в привилегированное сословие, она должна сложиться экономически во всех своих социальных преимуществах. Сословий нельзя фабриковать по заранее созданной табели о рангах или по уставу». Здесь автор, видимо, имел в виду петровский «Табель о рангах», бюрократически структурировавший, и, по существу, оформивший сословную систему государства. «Несомненно только то, что в своем отношении к русским привилегированным сословиям царизм пользовался несравненно большею независимостью, чем европейский абсолютизм, выросший из сословной монархии» — делался вывод[21].

Так Троцкий пытался приспособить к марксизму труд кадета Милюкова, в части понимания возможности государственной власти влиять на глубинные социальные процессы. Вспомнив о своих коллегах из марксистского ортодоксального лагеря, он написал: «Те «критические» социалисты, которые перестали понимать значение государственной власти для социалистического переворота, могли бы убедиться даже на примере бессистемной и варварской деятельности русского самодержавия, какую огромную роль может играть государственная власть в чисто хозяйственной области, когда она в общем работает в направлении исторического развития. Сделавшись историческим орудием в деле капитализирования экономических отношений России, царизм этим прежде всего укреплял себя. К тому времени, когда развившееся буржуазное общество почувствовало потребность в политических учреждениях Запада, самодержавие, с помощью европейской техники и европейского капитала, превратилось в крупнейшего капиталистического предпринимателя, в банкира и монопольного владельца железных дорог и винных лавок»[22].(Здесь истоки так называемого «госкапитализма», который был введен после гражданской войны в СССР, а потом переосмыслен сталинским социализмом — Б.И.).

Государственная власть превратилась в абсолютистской России в чудовищное орудие систематических репрессий, направившее всю свою мощь на подавление революций. Но либеральная буржуазия преувеличивает его силу (имеется в виду, конечно, Милюков) для того, чтобы отказаться от всякой борьбы. Напротив, чем мощнее государственная власть, тем реальнее революция»- делает неожиданный вывод автор. Мягко, но решительно он добавляет, по существу, уже в собственный адрес: «Русский марксизм поистине может гордиться тем. что он один уяснил направление развития и предсказал его общие формы в то время, как либерализм питался внушениями самого утопического «реализма», а революционное народничество жило фантасмагориями и верой в чудеса»[23].

И, наконец, еще один важный тезис, позволивший автору сформулировать концепцию перманентной революции. Речь идет о принципах распространения общественно-экономических формаций в процессе исторического развития человечества. Маркс с Энгельсом вопросами переходов практически не задавались. Например, капитализм, утверждал Троцкий: «не повторяет на новой территории уже проделанного им развития, а начинает с того, на чем остановился на родине. Вокруг машин, которые он перебросил через моря и таможни, он сразу, без всяких промежуточных этапов, сосредоточивает массы пролетариата, и в этот класс он переливает застывшую в нем революционную энергию старых поколений буржуазии»[24].

Это наблюдение позволило сформулировать мысль о переходных общественных формациях, сочетающих в себе, как элементы предыдущей формации, так и последующей. Такова была многоукладная Россия на ранних этапах развития капитализма: «Движущие силы русской революции. 5,4 миллиона квадр. километров в Европе, 17,5 миллионов—в Азии, 150 миллионов населения. На этом огромном

[19] Троцкий Л. «1905 год». С. 18.

[20] Указ. соч. С. 19.

[21] Указ. соч. С. 20–21.

[22] Указ. соч. С. 22.

[23] Указ. соч. С. 24.

[24] Указ. соч. С.56.

пространстве—все эпохи человеческой культуры: от первобытной дикости северных лесов, где питаются сырой рыбой и молятся чурбану, п до новейших социальных отношений капиталистического города, где социалистический рабочий сознает себя активным участником мировой политики и напряженно следит за событиями на Балканах или за прениями германского рейхстага. Самая концентрированная в Европе индустрия на основе самого отсталого в Европе земледелия. Колоссальнейшая государственная машина в мире, которая пользуется всеми завоеваниями технического прогресса, чтобы задержать исторический прогресс собственной страны»[25].

ИДЕИ ПЕРМАНЕНТНОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ЭКОНОМИКА

Идея Троцкого была поддержана некоторыми видными социал-демократами[26], поскольку он превратил ее в подлинную теорию синхронизации социальной истории стран с разным историческим наследием и неравномерным экономическим развитием. В «Предисловии» к четвертому переизданию брошюры автор дал такое определение перманентной революции: «Мудреное название это выражало ту мысль, что русская революция, перед которой непосредственно стоят буржуазные цели, не сможет, однако, на них остановиться. Революция не сможет разрешить свои ближайшие буржуазные задачи иначе, как поставив у власти пролетариат. А этот последний, взявши в руки власть, не сможет ограничить себя буржуазными рамками революции. Наоборот, именно для обеспечения своей победы пролетарскому авангарду придется на первых же порах своего господства совершать глубочайшие вторжения не только в феодальную, но и в буржуазную собственность. При этом он придет во враждебные столкновения не только со всеми группировками буржуазии, которые поддержали его на первых порах его революционной борьбы, но и с широкими массами крестьянства, при содействии которых он пришел к власти.

Противоречия в положении рабочего правительства в отсталой стране, с подавляющим большинством крестьянского населения, смогут найти свое разрешение только в международном масштабе, на арене мировой революции пролетариата. Взорвав, в силу исторической необходимости, ограниченные буржуазно-демократические рамки русской революции, победоносный пролетариат вынужден будет взорвать ее национально-государственные рамки, т.-е. должен будет сознательно стремиться к тому, чтобы русская революция стала прологом революции мировой. Хотя и с перерывом в 12 лет, эта — оценка подтвердилась целиком…. Пролетариат пришел в 1917 г. к власти, опираясь на приобретенный в 1905 г. опыт своего старшего поколения»[27].

1917 Г. — ВОЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ ИЛИ РЕВОЛЮЦИЯ

Банальный военный переворот, осуществленный группой отчаянно смелых и удачливых заговорщиков во главе с Лениным и Троцким, был объявлен «социалистической революцией». Но начавшиеся преобразования и те цели, какие ставили и реализовывали руководители Октября, выходили за рамки большинства тривиальных военных переворотов. Методом насильственных проб и колоссальных ошибок, страну стали втягивать в глобальные социальные преобразования и содействовать экспорту революции в другие страны. Попытка синхронизации истории России и Европы на новых, большевистских основаниях, действительно грозила мировыми потрясениями. Европейские политики не сразу заметили, что ситуация резко изменилась: не Россия отныне пристраивалась к развитым капиталистическим странам, испытывая свою ущербность, а они, европейцы и американцы, с ее помощью должны были через «пролетарские» революции и кровь, вступить в эру коммунизма. В начале 1920-х гг. в Советской России реально начались конвульсии перманентной революции в мировом масштабе. Но, изменившаяся политическая обстановка и вспыхнувшая после смерти Ленина внутрипартийная борьба, остановили этот процесс. В 1924 г. сложился альянс большевистских вождей во главе с Генеральным секретарем ЦК ВКП(б) Сталиным против Троцкого сначала в составе: Каменева, Зиновьева, Бухарина и др. Затем Сталин и Бухарин выступили против всех остальных оппонентов с программой «построения социализма в одной, отдельно взятой стране», т.е. в Советской России. Троцкого выслали из СССР.

За границей он постоянно возвращался и дорабатывал свою теорию, пока наконец не сформулировал ее в «закон неравномерного и комбинированного развития» стран мира. Он уповал на способность некоторых отсталых государств перестраиваться под руководством революционеров и через этапы, ускоренно догонять передовые страны. До конца жизни Троцкий оставался в убеждении, что без мировой революции, победа социализма в одной отсталой стране невозможна. Строить можно, построить нельзя[28].

Сталин источал сарказм, слушая и читая эти рассуждения своего заклятого оппонента. Он привлек на свою сторону М. Н. Покровского, известного большевистского историка, давнего научного оппонента Милюкова и Троцкого. Между Троцким и Покровским завязалась полемика о «перманентной революции», до сих пор не утратившая своего значения и имеющая самостоятельный интерес в рассматриваемом нами аспекте[29].

ВЫВОДЫ

Из знаменитых вождей революции Троцкий погиб последним, многие погибли в 1930-е гг. «Большого террора». Казалось бы, ни о какой синхронизации сталинского СССР и Запада речи быть не могло. На самом же деле при Сталине произошел очередной отказ от реформаторской модели синхронизации по типу Х1Х в. (или Бухаринской), и произошел переход к жестко управляемой волевой социальной возгонке, на манер тех, что осуществляли в свое время Иван IV и Петр I. Сталин с 1905 г. следил за деятельностью и творчеством Троцкого, в его личной библиотеке было собрание сочинений и отдельные издания вечного оппонента. Сталин лично дирижировал борьбой с ним и с остальной оппозицией. Овладев ситуацией и уничтожив основных противников, Сталин приступил к воплощению большевистских идей, с еще большей жестокостью и последовательностью.

В 1931 г. он предложил свое видение истории России и методов исторического ускорения: «Задержать темпы — это значит отстать. А отсталых бьют. Но мы не хотим оказаться битыми. Нет, не хотим! История старой России состояла, между прочим, в том, что ее непрерывно били за отсталость. Били монгольские ханы. Били турецкие беки. Били шведские

[25] Указ. соч. С. 44.

[26] См. Фельштинский Ю.Г., Чернявский Г.И. Указ.соч. с. 184–194.

[27] Троцкий Л. Указ. соч. С. 4–5.

[28] См.: Лев Троцкий. Три концепции русской революции (1939) — World Socialist Web Site_files/js(1) (дата обращении 07.04.2024). Троцкий Л. Перманентная революция. М. 2005. и др.

[29] См.: http://www.hrono.ru/statii/2001/pokrov_trots.html; http://history.machaon.ru/all /number_02/istoriog/nomer2/index.html (дата обращения 12. 05. 2024).

феодалы. Били польско-литовские паны. Били англо-французские капиталисты. Били японские бароны. Били все — за отсталость. За отсталость военную, за отсталость культурную, за отсталость государственную, за отсталость промышленную, за отсталость сельскохозяйственную. Били потому, что это было доходно и сходило безнаказанно… Таков уж закон эксплуататоров — бить отсталых и слабых. Волчий закон капитализма. Ты отстал, ты слаб — значит, ты не прав, стало быть, тебя можно бить и порабощать. Ты могуч — значит, ты прав, стало быть, тебя надо остерегаться… Хотите ли, чтобы наше социалистическое отечество было побито, и чтобы оно утеряло свою независимость? Но если этого не хотите, вы должны в кратчайший срок ликвидировать его отсталость и развить настоящие большевистские темпы в деле строительства его социалистического хозяйства. Других путей нет. Вот почему Ленин говорил накануне Октября: «Либо смерть, либо догнать и перегнать передовые капиталистические страны». Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут»[30].

Характерно, что и он будущий адепт всяческих приоритетов, считал, что страна отстала от передовых стран на многие годы. Стоил ли того рывок на 50, 100 и больше лет вдогонку другим, путем сверх затратной индустриализации, кровавой коллективизации сельского хозяйства, культурной революции, в процессе которой не только обучили значительную массу населения читать и писать, но и уничтожили образованные («буржуазные») классы и группы.

По моему мнению, именно поэтому, сталинский, как и вообще весь советский этап синхронизации культурно-исторического развития страны и мира был обречен на провал, но этот вопрос требует особого и тщательного рассмотрения.

[30] Сталин И. В. О задачах хозяйственников: Речь на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности, 4 февраля 1931 г./ «Правда». № 35, 5 февраля 1931 г.

ЛИТЕРАТУРА:

1. *Дойчер И.* Троцкий. Изгнанный пророк.1929–1940. М.2006.Глава 3. Революционер-историк. с.229-268
2. *Илизаров Б.* Председатель Совета народных комиссаров Владимир Ильич Ленин. Комсомольская правда.М.2015. с. 20–28. 95 с.
3. *Илизаров Б. С.* «О типе русского государства в XIV–XVI вв.» (К проблеме синхронности исторических явлений) / К 90-летию со дня рождения Сергея Михайловича Каштанова. Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXXIV Всероссийской научной конференции с международным участием. Москва, 7–8 апреля 2022 года. М. 2022. С. 33.
4. *Каштанов С. М.* О типе Русского государства в Х1У-ХУ1 вв. / Чтения памяти В.Б. Кобрина. «Проблемы отечественной истории и культуры периода феодализма». Тезисы докладов и сообщений. М., 26–29 января 1992 года.М.1992. с. 85–92.
5. *Каштанов С. М.* Московское царство и Запад. Историографические очерки. М. 2015. с. 439–445.
6. *Фельштинский Ю.Г.* Чернявский Г. И. Лев Троцкий. Революционер. 1879–1917 г. М. 2012. с. 227–228.

REFERENCES:

1. *Deutscher I.* Trotsky. The Exiled Prophet. 1929–1940. M. 2006. Chapter 3 Revolutionary historian. p. 229–268
2. *Ilizarov B.* Chairman of the Council of People's Commissars Vladimir Ilyich Lenin. Komsomolskaya Pravda.M.2015. p. 20–28. 95 pp.
3. *Ilizarov B. S.* «On the type of Russian state in the 14th–16th centuries». (On the problem of the synchronicity of historical phenomena) / To the 90th anniversary of the birth of Sergei Mikhailovich Kashtanov. Auxiliary historical disciplines in modern scientific knowledge. Materials of the XXXIV All-Russian Scientific Conference with international participation. Moscow, April 7–8, 2022. M. 2022. P. 33.
4. *Kashtanov S.M.* On the type of the Russian state in the 18th-16th centuries/Readings in memory of V.B. Kobrina. «Problems of national history and culture of the period of feudalism». Abstracts of reports and messages. M., January 26–29, 1992. M. 1992. pp. 85–92.
5. *Kashtanov S.M.* Moscow kingdom and the West. Historiographical essays. M. 2015. p. 439–445.
6. *Felshtinsky Yu.G.* Chernyavsky G.I. Leon Trotsky. Revolutionary. 1879–1917 M. 2012. p. 227–228.

Статья проверена программой «Антиплагиат». Оригинальность – 84,4%.

Рецензент: *Нефедов С. А.*, доктор исторических наук, главный научный сотрудник; Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук.

Статья поступила в редакцию 28.04.2024, принята к публикации 18.05.2024
The article was received on 28.04.2024, accepted for publication 18.05.2024

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Илизаров Борис Семёнович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник; Институт российской истории Российской академии наук; г. Москва, Российская Федерация, e-mail: b_ilizarov@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Boris S. Ilizarov, Dr. Sci. (Hist.), Professor, chief research fellow; The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences; Russian Federation, Moscow, e-mail: b_ilizarov@mail.ru